

МАРГАРИТА ФУАРО ЛИССБЕТ КОТЦОВА



Маргарита Фуаро

**Я стала злой мачехой
наследников дракона**

«Литнет»

2026

Фуаро М.

Я стала злой мачехой наследников дракона / М. Фуаро —
«Литнет», 2026

Я умерла в своём мире, спасая чужого ребёнка. А проснулась в теле женщины, которую здесь ненавидят даже собственные слуги. Теперь я - Эвелина Морвейн, жена могущественного драконьего лорда и мачеха трёх маленьких наследников. Дети смотрят на меня с ужасом. Старший встречает меня с ножом. Средняя не говорит после пережитого страха. Младший едва не погибает от яда. Все уверены: это сделала я. Но я ничего не помню, потому что я - не она. Пока я пытаюсь понять, кто подставил прежнюю хозяйку этого тела, в замок возвращается мой муж. Лорд Ардан Вейр. Раненый, холодный, опасный дракон, который уже вынес мне приговор. Он не верит ни одному моему слову. Он уверен, что я мучила его детей. Он хочет суда. Но чем ближе он подходит к правде, тем яснее становится: настоящее чудовище всё это время пряталось рядом с наследниками. А древний замок призвал меня не случайно. Если я хочу выжить, мне придётся доказать свою невиновность. Если хочу спасти детей - стать для них стеной. А если хочу не потерять сердце - не влюбиться в дракона, который должен был стать моим палачом.

© Фуаро М., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Женщина, которую боятся дети	5
Глава 2. Муж, который вернулся за приговором	12
Глава 3. Северная башня	19
Глава 4. Замок, который слышит	26
Глава 5. Подземное сердце Кархольма	33
Глава 6. Выбор хранительницы	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Глава 1. Женщина, которую боятся дети

Первым я услышала плач.

Тонкий, надрывный, будто кто-то пытался зажать его ладонью, но не смог. Плач бился где-то рядом — совсем близко, так близко, что казалось, он царапает мне кожу изнутри.

Я попыталась открыть глаза.

Не вышло.

Веки были тяжёлыми, словно их склеили горячим воском. В голове гудело. Во рту стоял металлический привкус, а под щекой ощущался холодный камень.

Камень?

Я лежала не в больничной палате. Не на асфальте. Не в машине скорой помощи.

Я лежала на полу.

И этот пол был ледяным.

Плач повторился. Теперь громче.

— Тихо, Тэо... тихо... — прошептал чей-то детский голос. — Не плачь. Она очнётся.

Она?

Кто — она?

Я с трудом разомкнула веки.

Мир вспыхнул мутными пятнами: тёмный потолок, высокое окно, серые стены, оранжевые блики огня где-то сбоку. Воздух пах дымом, травами и чем-то горьким, медицинским, но не аптечным — скорее как старая настойка, пролитая на дерево.

Я пошевелила пальцами.

Боль полоснула по запястью.

Я зашипела и попыталась приподняться, но тут же замерла.

Передо мной стоял мальчик.

Ему было лет восемь. Может, девять. Тёмные волосы падали на лоб, лицо белое, губы сжаты так крепко, что стали почти бескровными. Но больше всего меня испугали его глаза.

Серые. Почти серебряные.

Не детские.

В них не было ни растерянности, ни просьбы о помощи.

Только ненависть.

И страх.

В обеих руках мальчик держал нож.

Маленький, серебристый, с узким лезвием. Держал неловко, по-детски, но решительно. Так держат не оружие. Так держат последнюю надежду.

— Не подходи, — сказал он.

Голос дрогнул, но нож не опустился.

Я застыла.

— Я... — горло саднило, слова вышли хриплыми. — Я не собираюсь...

— Лжёшь.

За его спиной что-то шевельнулось.

Я перевела взгляд и увидела под кроватью девочку. Маленькую, худенькую, в белой ночной рубашке. Она сидела, прижав колени к груди, и смотрела на меня огромными тёмными глазами. В этих глазах было столько ужаса, что у меня внутри всё оборвалось.

Рядом на ковре сидел малыш. Совсем кроха, года три. Он плакал, размазывая по щекам слёзы и сажу. На рукаве у него темнело пятно.

Кровь?

Я дёрнулась к нему инстинктивно — так, как всегда дёргалась к ребёнку, которому больно.

Мальчик взмахнул ножом.

— Не трогай его!

Я остановилась.

— Он ранен.

— Это ты сделала!

Эти три слова ударили сильнее, чем боль в висках.

Я посмотрела на свои руки.

Тонкие пальцы. Длинные ногти. Чужие кольца. Запястья в кружевных манжетах.

И кровь.

На ладонях, на пальцах, под ногтями.

Я не сразу поняла, что закричала. Звук вышел короткий, рваный, будто его вырвали из груди.

Мальчик вздрогнул, но нож не опустил.

— Не притворяйся, — прошептал он. — Я видел.

— Что ты видел? — спросила я, хотя язык едва слушался. — Мальчик, послушай меня...

— Не называй меня так!

Он шагнул ближе, и теперь я заметила, что он сам дрожит. Весь. От страха, холода или ярости — я не знала.

— Я Риан Вейр, наследник Кархольма. И если ты снова приблизишься к Лире или Тэо, я убью тебя.

Кархольм?

Риан?

Лира?

Тэо?

Имена падали в сознание, не цепляясь ни за что. Я не знала их. Не знала эту комнату. Не знала, почему на мне тяжёлое платье цвета тёмного вина, почему волосы рассыпались по плечам длинной чёрной волной, почему в камине пылает синий огонь.

Я помнила другое.

Фары.

Мокрую дорогу.

Крик женщины.

Маленькую девочку в жёлтой куртке, выбежавшую на проезжую часть.

Я успела вытолкнуть её к обочине.

А потом был удар.

Глухой. Страшный.

И последняя мысль, такая нелепая, такая отчаянная:

“Хоть бы где-нибудь у меня получилось стать нужной”.

Я умерла.

Я точно умерла.

Тогда почему я здесь?

— Риан, — осторожно сказала я, стараясь не смотреть на нож, — я не понимаю, что произошло. Но малыш плачет. Ему нужна помощь.

— Не смей, — мальчик поднял лезвие выше. — Ты уже дала ему это.

Он кивнул на пол.

Я увидела осколки кубка. Тёмная жидкость растеклась по камню неровной лужей, впиталась в край ковра. Рядом валялась маленькая ложка.

Запах ударил в нос сильнее.

Горький. Травяной. С неприятной сладостью.

Я слишком долго работала с детьми, чтобы не узнать яд, даже если этот яд был из другого мира. Не по составу — по ситуации. По панике. По пролитому кубку. По тому, как старший ребёнок стоит между взрослым и младшими, готовый стать стеной.

— Он пил это? — спросила я.

Риан молчал.

— Риан, он пил?!

Мальчик сжал губы.

— Ты заставила Берту принести лекарство. Сказала, что ему станет легче. А потом... потом он начал задыхаться.

Малыш всхлипнул.

Я не стала больше спорить. Медленно, очень медленно, подняла ладони вверх.

— Хорошо. Смотри на меня. Я не подхожу. Но мне нужно понять, сколько он выпил. Если хочешь защитить брата, отвечай.

Риан моргнул.

Не ожидал.

— Два глотка, — наконец сказал он. — Может, три. Лира выбила кубок.

Девочка под кроватью сильнее вжалась в стену.

Я посмотрела на неё.

— Лира, ты молодец, — тихо сказала я.

Девочка замерла.

Риан тоже.

Видимо, женщина, чьё тело я сейчас занимала, никогда не говорила детям таких слов.

У меня по спине прошёл холод.

Кем я была для них?

И что она с ними делала?

Двери распахнулись с таким грохотом, что малыши снова заплакали.

В комнату ворвались люди.

Двое мужчин в тёмной форме. Полная женщина в сером платье. Молодая служанка с лампой. За ними — высокая дама с идеально уложенными светлыми волосами и лицом, на котором тревога выглядела слишком красивой, чтобы быть настоящей.

— Святой пламень... — ахнула полная женщина. — Госпожа очнулась!

Госпожа?

Я хотела спросить, кто она такая, но светловолосая дама уже скользнула вперёд.

— Риан, отойди от неё.

Голос мягкий. Властный. Натренированный.

Риан не двинулся.

— Она пыталась отравить Тэо.

Комната замерла.

Все взгляды упали на меня.

Я почувствовала, как по коже пробежали мурашки. Не просто испуг. Что-то глубже. Первобытное понимание: меня уже признали виновной. Ещё до слов. До суда. До объяснений.

Полная женщина прижала руки ко рту.

— Я говорила... говорила же, леди Илана... Её нельзя было оставлять с детьми...

Светловолосая — Илана — медленно повернулась ко мне.

В её глазах было сочувствие.

Слишком ровное.

— Эвелина, — произнесла она с печалью, от которой у меня сжались зубы. — Что же вы наделали?

Эвелина.

Меня звали Эвелина.

Нет. Не меня.

Это тело.

— Я ничего не делала, — сказала я.

Собственный голос прозвучал чужим. Ниже, мягче, с лёгкой хрипотцой. Красивый голос. Голос женщины, которой, наверное, верили мужчины и боялись слуги.

Но сейчас мне не верил никто.

Риан резко обернулся.

— Лжёшь!

— Наследник, — Илана протянула к нему руки, — дорогой мой, иди ко мне. Всё закончилось.

— Нет, — сказал мальчик.

В этом “нет” было столько отчаяния, что я посмотрела на него внимательнее.

Он боялся не только меня.

Он боялся их всех.

— Нужно вызвать лекаря, — сказала я. — Немедленно. У Тэо могла начаться реакция на яд.

Полная женщина охнула.

— Слышите? Она сама сказала — яд!

— Потому что это похоже на яд! — сорвалась я. — Ребёнок задыхался, у него кровь на рукаве, он плачет, а вы стоите и смотрите на меня!

Мужчины в форме напряглись.

Илана едва заметно подняла руку, останавливая их.

— Эвелина, не усугубляйте. Вы не в том положении, чтобы отдавать приказы.

Я рассмеялась.

Не потому что было смешно.

Просто где-то внутри что-то надломилось.

Минуту назад я умерла. Потом проснулась в чужом теле, перед ребёнком с ножом, рядом с малышом, которого, возможно, отравили, и девочкой, которая прячется под кроватью от взрослой женщины.

А теперь какая-то ледяная красавица объясняла мне, что я не в том положении.

— А в каком я положении? — спросила я тихо.

Илана посмотрела на меня почти ласково.

— В положении жены, которая в отсутствие мужа окончательно утратила разум.

В комнате кто-то шумно вдохнул.

Я медленно поднялась на колени. Голова закружилась, пол качнулся, перед глазами поплыли тёмные пятна. Но я удержалась.

— Моего мужа?

— Не начинайте эту игру, — в голосе Иланы впервые мелькнул металл.

— Какого мужа? — повторила я. — Где он?

Тишина стала такой плотной, что в ней слышно было потрескивание синего огня.

Риан смотрел на меня подозрительно. Полная женщина крестилась каким-то странным жестом — двумя пальцами к губам, потом к груди. Один из стражников пробормотал:

— Она правда не помнит?

Илана побледнела. На мгновение. Почти незаметно.

Но я увидела.

— Ваш муж, — сказала она, — лорд Ардан Вейр. Хозяин Кархольма. Отец этих детей. Ардан Вейр.

Имя отозвалось в теле странной болью. Не моей. Чужой. Будто где-то глубоко под рёбрами дрогнула старая рана.

— Он мёртв? — спросила я.

Риан резко выдохнул, будто я ударила его.

Илана опустила глаза.

— Он считался погибшим.

Считался.

Это слово было ключом.

— А теперь?

Никто не ответил сразу.

И вдруг далеко внизу ударил колокол.

Один раз.

Второй.

Третий.

Замок вздрогнул.

Я не преувеличиваю. Каменные стены действительно дрогнули, как живое существо, проснувшееся от долгого сна. Синий огонь в камине вытянулся вверх, превратился на миг в тонкую фигуру с крыльями и снова опал.

Малыш перестал плакать.

Лира под кроватью зажала рот ладошками.

Риан выпрямился.

Илана резко обернулась к двери.

Снизу донеслись крики. Шаги. Лязг металла. Кто-то бежал по коридору, сбиваясь, задыхаясь.

Дверь снова распахнулась.

На пороге появился молодой солдат. Мокрый от снега, бледный, с рассечённой губой. Он упал на одно колено прямо в лужу света.

— Леди Илана... наследник... — он хватал воздух ртом. — Ворота открыты.

Илана застыла.

— Кто прибыл?

Солдат поднял голову.

Его взгляд метнулся ко мне, и в нём я увидела то, что не понравилось мне ещё больше ненависти.

Ужас.

— Лорд Ардан, — сказал он. — Лорд жив.

Риан побледнел так резко, что я подумала, он сейчас упадёт.

А у меня внутри всё оборвалось.

Муж. Драконий лорд. Отец детей, которые считали меня чудовищем.

Жив.

Возвращается.

Солдат сглотнул.

— Он приказал никого не выпускать из замка. И передал...

Он запнулся.

Илана шагнула к нему.

— Что?

Солдат медленно протянул сложенный лист с чёрной печатью.

Илана взяла письмо, сломала печать, пробежала глазами строки. Чем дальше она читала, тем спокойнее становилось её лицо.

А потом она посмотрела на меня.

И впервые улыбнулась по-настоящему.
Не ласково.
Победно.
— Что там? — спросила я.
Мой голос почти не дрогнул.
Илана не ответила.
Вместо неё заговорил Риан. Он смотрел на письмо, словно уже знал его содержание.
Словно ждал этого дня слишком долго.
— Отец вернулся, — прошептал он.
Маленький нож в его руках опустился.
Но легче мне не стало.
Илана передала письмо стражнику.
— Лорд Ардан требует, чтобы до его решения леди Эвелина была заперта в северной башне. Без права видеть детей.
Я медленно выдохнула.
— За что?
Илана наклонила голову.
— За попытку убийства наследников рода Вейр.
Мир снова качнулся.
Я посмотрела на Риана. На Лиру под кроватью. На маленького Тэо, который всё ещё тихо всхлипывал и смотрел на меня огромными мокрыми глазами.
Я не знала этих детей.
Не знала их отца.
Не знала этого мира.
Но почему-то именно сейчас, когда стражники шагнули ко мне, а Илана сжала письмо в тонких пальцах, я поняла одну страшную вещь.
Если меня уведут — дети останутся с теми, кто уже сделал им больно.
И никто их не защитит.
Стражник схватил меня за плечо.
Риан дёрнулся, будто хотел что-то сказать, но промолчал.
Лира вдруг выползла из-под кровати.
Совсем немного. Только чтобы протянуть ко мне маленькую руку.
На её ладони лежал ключ.
Чёрный. Старинный. Тяжёлый.
Я не успела его взять.
Стражник рванул меня к двери.
И в этот миг девочка, которая, кажется, давно не говорила, раскрыла губы.
Её голос был едва слышным.
Но его услышали все.
— Не она.
Комната умерла в тишине.
Илана резко повернулась.
— Что ты сказала, милая?
Лира задрожала. Глаза её наполнились слезами, но она смотрела только на меня.
— Не она, — повторила девочка. — В ней... другая.
Синий огонь в камине взревел.
А где-то далеко, внизу замка, раздался звук шагов.
Тяжёлых.
Медленных.

Неумолимых.
Лорд Ардан Вейр поднимался наверх.
За своей женой.

Глава 2. Муж, который вернулся за приговором

Шаги приближались.

Медленные.

Тяжёлые.

Такие не могли принадлежать человеку, который просто шёл по коридору. Так приближалась буря. Так надвигалась казнь. Так, наверное, в древности драконы спускались с гор, когда люди забывали, кому принадлежит небо.

Стражник всё ещё держал меня за плечо, но пальцы его ослабли. Он тоже слушал.

Все слушали.

Даже маленький Тэо перестал всхлипывать.

Синий огонь в камине вытянулся тонкими языками, будто хотел лизнуть потолок. На стенах задрожали тени. Мне почудилось, что одна из них на мгновение расправила крылья.

Я сглотнула.

Вот и всё, Марина. Добро пожаловать в новую жизнь. У тебя есть чужое тело, чужая вина, трое напуганных детей и муж, который, судя по всему, уже вынес тебе приговор.

— Лира, — тихо сказала Илана.

В её голосе больше не было мягкости. Только натянутая, опасная струна.

Девочка вздрогнула и сразу попятилась назад, к кровати. Маленький чёрный ключик выпал из её ладони и звякнул о камень.

Этот звук оказался таким неожиданно громким, что все посмотрели вниз.

Я тоже.

Ключ лежал почти у моего колена. Старый, тёмный, словно выкованный не из железа, а из ночи. На его головке виднелся крошечный знак: крыло, обвитое пламенем.

— Подними, — одними губами сказала Лира.

Я не успела пошевелиться.

Илана шагнула первой.

Но Риан оказался быстрее. Он бросился вперёд, схватил ключ и сжал в кулаке.

— Это моё, — сказал он.

Илана застыла.

— Наследник, отдайте.

— Нет.

— Риан...

— Я сказал нет.

Голос мальчика дрожал. Но он стоял прямо. Маленький, бледный, в ночной рубашке, с ножом в одной руке и ключом в другой. И в этот момент мне вдруг стало до боли ясно: он так давно защищал младших, что уже не помнил, каково это — быть ребёнком.

Мне захотелось встать между ним и всеми взрослыми в этой комнате.

Смешно. Безумно. Я ведь сама едва держалась на ногах.

Но желание было таким сильным, что я сделала шаг.

Стражник тут же дёрнул меня назад.

— Стоять, леди.

Леди.

От этого обращения хотелось рассмеяться. Или закричать.

Я не была леди. Я была Мариной Орловой, детским врачом из мира, где драконов рисовали в книжках, а не ждали с войны. Я умела ставить диагнозы, успокаивать матерей в коридоре реанимации, держать ребёнка за руку во время болезненной процедуры. Но я понятия не

имела, как вести себя, когда в дверях вот-вот появится твой муж-дракон, которого ты видишь впервые в жизни.

Шаги остановились за дверью.

В комнате стало так тихо, что я слышала собственное сердце.

Дверь не распахнулась сразу.

Сначала по камню скользнула тень.

Высокая. Неровная. Словно у человека за плечами действительно были крылья.

Потом в проёме появился он.

Лорд Ардан Вейр.

Я не знаю, каким я ожидала его увидеть. Наверное, чудовищем. Огромным, рычащим, с клыками и горящими глазами. Или благородным красавцем из мрачной сказки.

Он оказался хуже.

Потому что был человеком.

Высоким, широкоплечим, в чёрном дорожном плаще, подбитом тёмным мехом. С мокрыми от снега волосами, жёсткими скулами и лицом, на котором усталость не смягчала черты, а делала их ещё опаснее. Левая сторона его воротника была разорвана, и под тканью виднелись чёрные линии — не то шрамы, не то следы ожогов, уходящие под рубашку к горлу.

В правой руке он держал серебряную трость.

Нет. Не трость.

Оружие.

Я поняла это по тому, как стражники возле двери побледнели и опустили глаза.

Ардан сделал шаг в комнату.

Синий огонь в камине пригнулся, будто перед хозяином.

Никто не поклонился сразу. Все словно забыли, как двигаться.

Первым сорвался Риан.

— Отец!

В этом слове было всё: радость, боль, страх, облегчение. Он бросился вперёд, но остановился на полпути, будто вдруг вспомнил, что наследники не должны вести себя как маленькие дети.

Ардан посмотрел на сына.

И что-то в его лице дрогнуло.

Всего на мгновение. Так быстро, что, возможно, заметила это только я.

— Риан.

Голос у него был низкий. Хриплый. Словно он долго молчал или слишком часто отдавал приказы среди дыма и криков.

Мальчик сжал губы, кивнул и сделал шаг назад, закрывая собой Лиру и Тэо.

Ардан увидел этот жест.

А потом его взгляд медленно перешёл на меня.

И я впервые поняла, что такое настоящая ненависть.

Она не всегда кричит. Не всегда бросается к горлу. Иногда она холодная. Почти спокойная. Такая, от которой внутри всё леденеет, потому что человек напротив не в ярости — он уже принял решение.

— Эвелина, — сказал он.

Одно слово.

Имя, которое не было моим, упало между нами, как клинок.

Я заставила себя не отступить.

— Лорд Вейр.

У кого-то за спиной вырвался испуганный вдох.

Наверное, жена не должна была обращаться к мужу так.

Ардан чуть прищурился.

— Не “муж”?

Я молчала.

Что я могла сказать? Простите, я не ваша жена, я умерла в другом мире и очнулась в её теле? Уверена, звучит убедительно. Особенно если тебя уже обвиняют в попытке убить детей.

Илана мягко шагнула к нему.

— Ардан, вы ранены. Вам нужно отдохнуть. Мы всё подготовим к совету утром. Эвелину уже уводят в северную башню.

Он не посмотрел на неё.

— Почему она была рядом с детьми?

Вопрос ударил стражников сильнее кнута. Тот, что держал меня, выпрямился.

— Милорд, мы прибыли сразу после крика. Леди находилась на полу. Наследник держал её под угрозой ножа. Младший господин...

— Я не спрашивал тебя.

Стражник осёкся.

Ардан всё ещё смотрел на меня.

— Я спрашиваю её.

Комната опять замерла.

Я медленно выдохнула.

— Я очнулась здесь.

— Удобно.

— Ничего удобного в этом нет.

Его глаза были тёмными. Почти чёрными. Но в глубине, там, где отражался синий огонь, мелькало что-то невозможное — янтарное, звериное.

— Ты хочешь сказать, что не помнишь, как оказалась в комнате моих детей?

— Именно это я и хочу сказать.

Илана тихо вздохнула.

— Ардан, она уже пыталась разыгрывать потерю памяти. Не стоит...

— Молчать.

Одно слово. Спокойное. Но Илана замолчала так резко, словно ей приставили нож к горлу.

Я посмотрела на неё.

Интересно.

Значит, не такая уж она всемогущая, когда хозяин дома стоит рядом.

Ардан сделал ещё шаг.

Расстояние между нами сократилось. Я почувствовала запах холода, дыма, железа и крови. Он был ранен. Сильно. Но держался так, будто боль — это мелочь, не заслуживающая внимания.

— Что ты дала Тэо?

— Ничего.

— Риан говорит другое.

— Риан видел кубок. Видел меня. Но не видел, кто заставил ребёнка пить.

Мальчик вздрогнул.

Ардан повернул голову к сыну.

— Риан?

Тот побледнел ещё сильнее, но выдержал взгляд.

— Она была здесь. Кубок был рядом. Тэо задыхался. Лира выбила лекарство.

— Ты видел, как она подносила кубок к его губам?

Риан открыл рот.

Закрыл.

В его глазах мелькнула паника. Он ведь был уверен. Так уверен. Детская память иногда строит мосты там, где были только обрывы. Если чудовище стоит рядом с бедой — значит, оно и есть причина беды.

— Я... — прошептал он. — Она всегда...

Он не договорил.

И это “всегда” сказало больше, чем любое обвинение.

Ардан медленно повернулся ко мне.

Вот теперь в его взгляде появился огонь.

Не ярость даже.

Боль.

— Всегда, — повторил он.

Я почувствовала, как что-то острое кольнуло под рёбрами. Не моё чувство. Не моя вина. Но тело помнило этот голос. Этот взгляд. Этот стыд. Или страх.

— Я не знаю, что было раньше, — сказала я.

— Конечно.

— Но сейчас ребёнку нужна помощь.

Ардан усмехнулся.

Без улыбки.

— Ты вспомнила о детях, когда поняла, что я вернулся?

Я шагнула к нему сама.

Стражник попытался удержать меня, но Ардан едва заметно поднял руку. Тот отпустил.

— Посмотрите на Тэо, — сказала я тихо. — Потом ненавидьте меня сколько хотите. Судите. Запирайте. Казните, если вам так легче. Но сначала посмотрите на ребёнка. У него могла быть интоксикация. Ему нужно промыть рот, дать воду, вызвать врача и сохранить остатки жидкости из кубка.

Ардан смотрел на меня так, будто я заговорила на незнакомом языке.

— Интоксикация?

Чёрт.

— Отравление, — быстро поправилась я. — Или приступ от лекарства. Я не знаю ваших трав. Но запах слишком резкий. И если он выпил два-три глотка, последствия могут проявиться позже.

— Лекарь уже вызван, — тихо сказала Илана. — Магистр Орвальд идёт.

Я заметила, как при имени лекаря Лира вжалась в край кровати.

И Риан заметил.

И, кажется, Ардан тоже.

Его взгляд стал тяжелее.

— Лира, — сказал он.

Девочка не ответила.

Он сделал к ней шаг, но она испуганно отпрянула.

Ардан остановился.

Боль в его лице стала почти невыносимой. Он вернулся с войны, наверное, мечтал увидеть детей, обнять их, убедиться, что они живы. А дочь боялась даже его шага.

Я не хотела ему сочувствовать.

Правда.

Но сочувствие пришло само.

Проклятое профессиональное сочувствие ко всем, кто страдает, даже если этот страдающий мужчина собирается бросить тебя в башню.

— Не давите на неё, — сказала я.

Он резко повернулся ко мне.

— Что?

Я уже понимала, что умнее было бы молчать.

Но умнее у меня сегодня не получалось.

— Не подходите резко. Она напугана. Ей нужно пространство. Присядьте, чтобы быть ниже. Не смотрите прямо слишком долго. И не требуйте ответа.

В комнате воцарилась такая тишина, будто я только что ударила лорда драконов по лицу.

Илана тихо ахнула:

— Эвелина...

Ардан смотрел на меня.

Долго.

Очень долго.

Потом медленно опустился на одно колено.

Движение далось ему тяжело. Я увидела, как побелели пальцы на рукояти трости. По его лицу прошла тень боли, но он не издал ни звука.

Теперь он был ниже Лиры.

— Дочь, — сказал он уже тише. — Я дома.

Лира заплакала.

Беззвучно.

Просто по щекам потекли слёзы.

Риан шагнул к ней, но девочка вдруг выскользнула из-под кровати, подбежала к отцу и замерла в двух шагах от него, словно не верила, что можно ближе.

Ардан не потянулся к ней.

Ждал.

И тогда Лира сама сделала последний шаг.

Он обнял её одной рукой. Осторожно. Так осторожно, будто она была не ребёнком, а тонким стеклом.

Я отвернулась.

Не потому, что сцена была чужой.

Потому что в горле встал ком.

Тэо на ковре снова всхлипнул.

Я сразу посмотрела на него. Он стал бледнее. Губы побелели, дыхание участилось.

— Вот теперь точно нужен лекарь, — сказала я. — И вода. Чистая. Не настои. Не зелья. Вода.

— Никто не будет выполнять твои приказы, — резко сказала Илана.

— Тогда выполняйте мои.

Ардан поднялся.

Лира вцепилась в его плащ, не отпуская.

— Воды. Лекаря. Остатки кубка сохранить. Няню Берту — задержать.

Полная женщина вскрикнула:

— Милорд! Я же... я всю жизнь служу этому дому!

— Поэтому ты не сбежишь до разговора.

Берта осела на стул, словно у неё подрезали ноги.

Я смотрела на Ардана и пыталась понять, что это значит.

Он мне поверил?

Нет.

Конечно нет.

Но он слышал.

Иногда с этого начинается спасение.

В дверях появился пожилой мужчина в длинном тёмном камзоле. Сухой, высокий, с острым лицом и цепкими глазами. В руках он держал кожаную сумку.

— Магистр Орвальд, — произнесла Илана с заметным облегчением. — Наконец-то. Лира всхлипнула и спрятала лицо в плаще отца.

Риан сжал нож.

Тэо начал плакать громче.

А я поняла, что лекаря дети боятся не меньше, чем меня.

Орвальд поклонился Ардану.

— Милорд, рад видеть вас живым. Прошу позволить осмотреть младшего наследника.

Он сделал шаг к Тэо.

Малыш закричал.

Не заплакал — именно закричал. Дико, хрипло, всем телом выгибаясь назад.

И в тот же миг по его маленьким пальцам пробежали искры.

Оранжевые.

Живые.

Огненные.

Ковёр вспыхнул.

Кто-то завизжал. Стражники бросились назад. Илана отшатнулась к стене.

Только я рванулась вперёд.

— Не подходи! — крикнул Ардан.

Поздно.

Я уже упала на колени рядом с Тэо, сбивая ладонями огонь с края ковра. Боль тут же впилась в кожу, но я не отдернула рук.

Малыш задыхался от плача. Искры ползли по его рукавам.

— Тэо, смотри на меня! — сказала я резко. — На меня, малыш. Дыши.

Он не слышал.

Я схватила ближайшее покрывало, накинула на горящий край ковра, потом медленно, очень медленно протянула руки к ребёнку.

— Я не сделаю больно, — сказала я. — Слышишь? Я не сделаю.

Он смотрел на меня сквозь слёзы.

Искры лизали мои пальцы.

Больно. Господи, как больно.

Но я улыбнулась.

Не ему даже. Его страху.

— Вот так. Молодец. Дышим вместе. Вдох. Выдох. Ещё раз. Ты справишься.

— Отойди от него, — глухо сказал Ардан за моей спиной.

Но в его голосе уже не было приказа.

Было что-то другое.

Ужас.

Я не отошла.

Тэо вдруг всхлипнул и потянулся ко мне.

Я обняла его.

Огонь ударил по рукам.

Кожа вспыхнула болью, но я прижала малыша к себе крепче, закрывая его от всех: от лекаря, от криков, от страха, от мира, который оказался слишком страшным для трёхлетнего ребёнка.

— Тише, — прошептала я ему в волосы. — Я здесь. Всё. Я здесь.

Искры погасли.

Сначала на ковре.

Потом на его пальцах.
Потом в воздухе.
Тэо обмяк у меня на руках и задышал ровнее.
Я подняла глаза.
Ардан стоял совсем близко.
Он смотрел не на Тэо.
На мои руки.
Кожа на ладонях покраснела, местами пошла волдырями. Чужие красивые пальцы дрожали от боли. Кольца впились в опухшие суставы.
Я попыталась сказать что-то умное.
Не вышло.
Комната поплыла.
Последнее, что я увидела перед тем, как темнота снова сомкнулась вокруг, — лицо Ардана.
Уже не холодное.
Не ненавидящее.
Потрясённое.
А потом он успел поймать меня раньше, чем я ударилась о каменный пол.
И, проваливаясь в обморок, я услышала его голос.
Совсем рядом.
— Кто ты такая, Эвелина?

Глава 3. Северная башня

Я очнулась от боли.

Она пульсировала в ладонях, горячая, живая, будто под кожей всё ещё тлели крошечные угли. Я попыталась пошевелить пальцами — и тут же пожалела.

Из горла вырвался тихий стон.

— Не двигайся.

Голос прозвучал рядом.

Низкий. Хриплый. Слишком знакомый для человека, которого я встретила меньше часа назад.

Я открыла глаза.

Сначала увидела потолок: каменный, высокий, пересечённый тёмными балками. Потом тяжёлые шторы у окна. Потом край кровати, на которой лежала. Постель пахла травами, дымом и чем-то холодным, зимним.

А потом я повернула голову и увидела Ардана.

Он сидел в кресле у камина.

Не расслабленно. Нет. Этот мужчина, кажется, вообще не умел расслабляться. Он сидел прямо, положив ладони на рукоять серебряной трости, и смотрел на меня так, словно ждал, когда я наконец перестану притворяться мёртвой и начну выдавать тайны.

Синий огонь за его спиной отбрасывал на стены длинные тени.

— Где дети? — спросила я.

Голос сорвался. Горло пересохло.

Ардан чуть прищурился.

— Первый вопрос — о них?

— А должен быть о вас?

На мгновение в его глазах мелькнуло что-то почти похожее на удивление.

Потом исчезло.

— Тэо спит. Лира с ним. Риан у двери, потому что отказывается уходить дальше коридора.

Я выдохнула.

Не облегчённо. До облегчения было далеко. Но хотя бы дети были живы.

— Орвальд его осматрел?

— Нет.

Я резко повернулась к нему и снова поморщилась от боли.

— Почему?

— Потому что мой сын едва не сжёг комнату, когда магистр приблизился.

Я замолчала.

Перед глазами снова вспыхнуло: маленькие пальцы, искры, горящий ковёр, ужас в глазах ребёнка. Это был не каприз. Не приступ. Это была паника.

— Он его боится, — сказала я.

— Я заметил.

Слова прозвучали сухо, но под ними пряталось что-то тяжёлое. Вина, может быть. Или ярость, которую Ардан пока держал на цепи.

Я осторожно приподняла руки.

Ладони были перевязаны чистой белой тканью. Очень аккуратно. Повязки пахли горькой мазью.

— Кто?..

— Я.

Я посмотрела на него.

— Вы?

— Удивлена?

— Немного.

— Я тоже.

Он сказал это совершенно ровно, но почему-то именно от этой ровности у меня по спине пробежал холодок.

Я отвела взгляд к огню.

— Спасибо.

— Не благодари. Это не милосердие.

— А что?

— Мне нужны ответы. Мёртвая ты отвечать не сможешь.

Вот теперь всё встало на свои места.

Я даже почти улыбнулась.

— Как практично.

Ардан поднялся.

Движение было резким, но на середине он едва заметно замер. Боль. Опять эта боль. Он опирался на трость сильнее, чем хотел показать. Чёрные линии у его горла будто стали темнее в огненном свете.

Он подошёл к кровати и остановился рядом.

Слишком близко.

Я ощутила его запах: снег, железо, дым, кровь. От него веяло опасностью так же естественно, как от камина — жаром.

— Кто ты? — спросил он.

Я молчала.

— Второй раз спрашиваю, Эвелина.

— А если я скажу правду, вы поверите?

— Нет.

— Тогда зачем спрашиваете?

Он наклонился ближе.

— Потому что лжец всегда выбирает, какую ложь сказать первой.

Я встретила его взгляд.

Внутри всё дрожало. Не буду героически врать: мне было страшно. До тошноты, до слабости в коленях, до дикого желания закрыться одеялом и проснуться в своей старой квартире, где не было драконов, замков и детей, смотрящих на меня как на палача.

Но вместе со страхом поднималось другое.

Злость.

Я умерла, спасая ребёнка. Проснулась в теле женщины, которую все ненавидят. Едва успела открыть глаза — и уже должна оправдываться перед мужчиной, который смотрит на меня как на грязь под сапогами.

Да, он имел причины. Да, его дети пострадали.

Но я не была той, кто их мучил.

— Меня зовут Марина Орлова, — сказала я тихо.

Ардан не шелохнулся.

— Продолжай.

— Я не из вашего мира. Я не знаю, как оказалась в теле вашей жены. Последнее, что я помню, — дорога, машина, девочка, которую я вытолкнула из-под колёс. Потом удар. Потом я проснулась в детской комнате. Ваш сын держал на меня нож.

Тишина.

Огонь щёлкнул в камине.

Я ждала смеха. Приказа позвать лекаря. Обвинения в безумии.

Ардан молчал.

Это было хуже.

— Удобная история, — наконец сказал он.

— Вы просили правду.

— Я просил ответ.

— Это одно и то же.

— Нет, Эвелина. Правда — это то, что можно доказать. Всё остальное — слова.

Имя снова ударило.

Я сжала зубы.

— Я не Эвелина.

— Тело её.

— Да.

— Голос её.

— Да.

— Лицо её.

— К сожалению.

Его глаза сузились.

— К сожалению?

— Я бы предпочла своё. Там хотя бы никто не обвинял меня в попытке убить детей.

На этот раз он не ответил сразу.

Взгляд его скользнул к моим забинтованным рукам.

— Ты могла отойти от Тэо.

— Не могла.

— Почему?

Я почти рассердилась.

— Потому что он ребёнок.

— Для Эвелины это никогда не было причиной.

Вот оно.

Снова.

Эта пропасть между мной и женщиной, чьим лицом я теперь смотрела на мир.

— Что она делала? — спросила я.

Ардан застыл.

— Не играй.

— Я хочу знать.

— Хочешь услышать список своих грехов?

— Её грехов.

— Ты упорна.

— Я врач. Была врачом. Мне нужно понимать, с какими травмами я имею дело. Риан хватает нож. Лира почти не говорит. Тэо боится лекаря. Это не появляется за один день.

Ардан отвернулся.

Впервые он отвернулся не от презрения, а будто ему стало трудно выдерживать мой взгляд.

— Риан писал мне, что Лиру запирали в тёмной комнате за непослушание. Потом письма перестали доходить. Я получал другие — от Иланы, от совета, от Эвелины. В них говорилось, что дети капризны, больны, опасны для себя. Что им нужен строгий надзор.

— Вы поверили?

Он резко посмотрел на меня.

— Я был на войне.

— Это не ответ.

Воздух стал ледяным.

Синий огонь в камине пригнулся, будто испугался.

Я поняла, что перешла черту. Возможно, смертельно опасную. Но слова уже были сказаны.

Ардан медленно приблизился к кровати.

— Осторожнее.

— Нет, — сказала я, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле. — Вы хотите правду? Вот она. Пока вы воевали, ваших детей кто-то ломал. И сейчас все слишком быстро показывают пальцем на меня. Удобно, правда? Злая жена. Безумная мачеха. Чудовище, которое можно закрыть в башне, и больше никто не будет спрашивать, почему дети боятся тех, кто “заботился” о них каждый день.

Его лицо стало страшным.

Не от ярости.

От понимания.

Потому что, возможно, эта мысль уже жила в нём. Просто он не позволял ей стать словами.

В дверь постучали.

Ардан не обернулся.

— Войти.

Дверь открылась, и на пороге появился стражник.

— Милорд, леди Илана просит разрешения войти. Советники собрались. Магистр Орвальд утверждает, что младшему наследнику необходимо дать успокоительный настой.

Я села так резко, что в глазах потемнело.

— Нет.

Ардан посмотрел на меня.

— Почему?

— Потому что ребёнка уже пытались напоить чем-то из кубка. Потому что он боится Орвальда. Потому что вы не знаете, что в этом настое.

Стражник нахмурился.

— Миледи, магистр служит дому Вейров двадцать лет.

— Тем хуже, если дети его боятся.

Ардан молчал.

Каждая секунда тянулась слишком долго.

Потом он сказал:

— Настой не давать. Орвальда не подпускать к Тэо без моего присутствия.

Стражник поклонился.

— Да, милорд.

— И ещё, — Ардан повернулся к нему. — Берту держать под охраной. Не позволять говорить с прислугой.

Стражник снова поклонился и ушёл.

Я медленно выдохнула.

— Вы мне верили?

— Нет.

Конечно.

— Но вы проверите?

Ардан посмотрел на меня.

— Да.

Странно, но это прозвучало почти как обещание.

Дверь снова распахнулась без стука.

На пороге стояла Илана.

Её светлые волосы были всё так же безупречны, платье — идеально, лицо — печально. Только глаза выдавали напряжение.

— Ардан, — сказала она мягко. — Совет обеспокоен. Нельзя оставлять Эвелину здесь. Она опасна. Ты сам видел, что произошло с Тэо.

— Я видел, как она его успокоила.

Губы Иланы дрогнули.

— Ты видел представление. Она всегда умела играть, когда ей это выгодно.

Я посмотрела на неё.

— А вы всегда входите без разрешения в комнату лорда?

Тишина.

Очень приятная тишина.

Илана медленно повернула голову ко мне.

— Ваше положение не позволяет вам дерзить.

— Моё положение сегодня меняется каждые десять минут. Я уже умерла, очнулась, была обвинена в отравлении, встретила мужа и обожгла руки. Дерзость — меньшее из того, что со мной случилось.

Ардан кашлянул.

Или подавил смехок.

Нет. Показалось. Такой мужчина не смеётся.

Илана заметила это тоже. И её глаза стали холоднее.

— Ардан, я понимаю, ты устал. Но подумай о детях. Они боятся её.

— Они боятся многих.

— Потому что она разрушила всё, что ты оставил.

— Возможно.

Это “возможно” прозвучало как удар.

Илана побледнела.

— Ты сомневаешься?

— Я вернулся в свой дом и обнаружил, что мой младший сын задыхается от неизвестного зелья, дочь не может говорить от страха, а наследник держит нож так, будто привык защищаться от взрослых. Да, Илана. Я сомневаюсь во всём.

Она опустила глаза.

— Я делала всё, что могла.

— Это я тоже проверю.

Теперь уже я смотрела на Ардана иначе.

Опасный. Жёсткий. Неприятный до дрожи.

Но не глупый.

Илана быстро взяла себя в руки.

— Тогда позволь хотя бы перевести Эвелину в северную башню до совета. Так будет безопаснее.

Ардан повернулся ко мне.

— Можешь идти?

— А есть вариант отказаться?

— Нет.

— Тогда могу.

Я спустила ноги с кровати. Пол оказался холодным. Голова кружилась, но я заставила себя встать. Платье путалось в ногах, ладони горели, тело было чужим и слабым.

Я качнулась.

Ардан протянул руку.

Не обнял. Не поддержал нежно. Просто поймал за локоть — крепко, уверенно, будто не позволял упасть вещи, которую ещё рано разбивать.

Но от этого прикосновения по коже прошёл странный жар.

Не от боли.

Я резко убрала руку.

Он заметил.

Конечно заметил.

Илана тоже.

— Северная башня, — сказал Ардан. — Но без цепей. И у двери поставьте моих людей, а не советских.

— Ардан...

— Это приказ.

Илана замолчала.

Меня повели коридорами.

Замок оказался огромным. Мрачным. Живым. Стены будто смотрели на меня тёмными прожилками камня. Факелы вспыхивали синим огнём, когда Ардан проходил мимо. Слуги прижимались к стенам, кланялись и провожали меня взглядами.

Ненависть.

Страх.

Любопытство.

“Чудовище”, — шепнул кто-то.

Я остановилась.

Ардан тоже.

Шёпот мгновенно умер.

Я не обернулась. Просто сказала:

— Помните: чудовища обычно не лежат без сознания с обожжёнными руками после того, как спасли ребёнка.

Никто не ответил.

Зато Ардан тихо произнёс рядом:

— Ты сама роешь себе могилу.

— Зато не молча.

Он посмотрел на меня сбоку.

И снова в его глазах мелькнуло то странное, звериное золото.

Северная башня встретила нас винтовой лестницей, ледяным сквозняком и дверью из чёрного дерева.

Комната внутри оказалась не темницей. Скорее покоем для пленницы высокого ранга: кровать, стол, камин, узкое окно с видом на заснеженные горы.

Ардан вошёл следом за мной.

И закрыл дверь перед лицом Иланы.

Я напряглась.

Мы остались одни.

— Завтра утром будет первый допрос, — сказал он.

— Прекрасно. Я как раз люблю начинать день с обвинений.

— Сегодня ночью ты останешься здесь.

— А дети?

— Под моей охраной.

— Не под охраной Иланы?

— Нет.
Я кивнула.
Это было лучшее, чего я могла добиться.
Ардан направился к двери, но остановился.
— Лира сказала: “В ней другая”.
Я замерла.
— Да.
— Почему?
— Потому что это правда.
Он медленно обернулся.
— Тогда докажи.
Я устало рассмеялась.
— Как? Рассказать вам про автомобили, больницы и телефоны? Вы решите, что я безумна.
— Безумие проще, чем правда.
— Иногда правда и есть безумие.
Мы смотрели друг на друга через полутёмную комнату.
А потом за стеной что-то скребнуло.
Тихо.
Едва слышно.
Ардан мгновенно изменился. Весь подобрался, как хищник. Рука легла на трость.
Скрежет повторился.
Я повернулась к камину.
Один из камней возле очага дрогнул. Потом второй. Между ними раскрылась узкая щель.
Из неё выпал маленький свёрток.
Ардан шагнул вперёд, но я оказалась ближе. Опустилась на колени, морщась от боли в ладонях, и осторожно развернула ткань.
Внутри лежала детская лента.
Та самая, которую я видела в комнате.
И записка.
Всего одна строка, выведенная неровным почерком:
“Если хочешь спасти детей, не верь тому, кто лечит.”
Я подняла глаза на Ардана.
Он смотрел на записку.
И впервые с момента нашей встречи в его лице не было ни ненависти, ни презрения.
Только холодная, страшная ярость.
— Орвальд, — прошептала я.
Внизу башни раздался крик.
Детский.
Ардан побледнел.
А потом бросился к двери.
Но дверь не открылась.
Снаружи кто-то уже повернул ключ.

Глава 4. Замок, который слышит

Дверь не открылась.

Ардан дёрнул ручку один раз. Второй. На третий не стал тратить силы — просто отступил на полшага и ударил серебряной тростью в замок.

Металл взвыл.

По чёрному дереву пробежала синяя трещина, но дверь выдержала.

Снизу снова донёсся крик.

Детский.

Короткий, сорванный, полный такого ужаса, что у меня внутри всё оборвалось.

— Тэо, — выдохнула я.

Ардан уже не был человеком, который задавал вопросы. Он стал оружием.

Его лицо окаменело. Глаза вспыхнули янтарём, и воздух вокруг него будто потяжелел. Синий огонь в камине рванулся к нему, вытягиваясь длинными языками, а тени по стенам распластались, как крылья.

— Отойди, — сказал он.

Я отступила к стене.

Ардан поднял трость.

На мгновение мне показалось, что в его руке не трость, а меч из чёрного пламени. Комната дрогнула. Каменные плиты под ногами завибрировали.

Потом он ударил.

Не в дверь.

В воздух перед ней.

Ударная волна сбила меня с ног. Я вскрикнула, ударившись плечом о край стола. В ушах зазвенело. Огонь в камине погас, потом вспыхнул снова — уже не синим, а почти белым.

Дверь устояла.

Зато Ардан резко согнулся, будто его ударили под рёбра.

Я увидела, как чёрные линии на его шее вспухли, словно живые. Они поползли выше, к скуле, тонкими трещинами, под которыми тлел тёмный свет.

— Не надо, — сказала я, поднимаясь. — Вы себя убьёте.

Он медленно повернул ко мне голову.

— Мои дети там.

— Именно поэтому вы нужны им живым.

Он посмотрел так, что любой разумный человек замолчал бы.

Я, видимо, сегодня окончательно рассталась с разумом.

— Вы уже пробовали силой. Не вышло. Значит, нужен другой выход.

— Здесь его нет.

— Откуда вы знаете?

— Это моя башня.

— А замок, кажется, не совсем ваш.

Эти слова повисли между нами.

Ардан замер.

И я сама поняла, что сказала. Не умом — кожей. Этот замок был не просто камнем. Он слышал. Дышал. Наблюдал. Он дрожал, когда пришёл Ардан. Он вспыхивал синим огнём. Он вытолкнул из стены свёрток с запиской.

И, возможно, именно он привёл меня сюда.

Я повернулась к камину.

Камни возле очага, из которых выпала записка, снова стали гладкими и неподвижными. Ни щели, ни следа тайного хода.

— Ты что-то знаешь, — сказал Ардан.

— Нет.

— Тогда почему смотришь туда?

— Потому что записка появилась оттуда.

Я подошла ближе и опустилась на колени. Ладони тут же вспыхнули болью, когда я коснулась холодного камня. Повязки пропитались мазью, но ожоги ныли так, что перед глазами потемнело.

Я стиснула зубы.

— Кархольм, — сказала я тихо.

Сама не знаю почему.

Имя замка сорвалось с губ так естественно, будто я знала его всегда.

Ардан за моей спиной не двигался.

— Если ты правда слышишь, — прошептала я, чувствуя себя безумной, — если ты правда позвал меня... открой.

Ничего.

Только ветер бился в узкое окно, и где-то далеко внизу глухо звучали шаги.

Слишком много шагов.

Не детских.

Я прижала ладонь к камню сильнее.

Боль стала острой. Влажной. Наверное, повязка разошлась, и ожог снова открылся.

— Там дети, — сказала я. — Не мои. Не по крови. Не по праву. Но если ты привёл меня к ним, не запирай меня здесь, когда им больно.

Камень под рукой потеплел.

Я замерла.

Ардан резко вдохнул.

По стене пробежала тонкая синяя жила. Потом вторая. Третья. Они вспыхивали одна за другой, складываясь в рисунок: крыло, обвитое пламенем.

Тот же знак, что был на ключе Лиры.

— Невозможно, — глухо сказал Ардан.

— В вашем мире это слово вообще существует?

Камни возле очага медленно разошлись.

За ними открылась узкая тёмная щель.

Не дверь. Скорее лаз, в который взрослому человеку пришлось бы протискиваться боком. Изнутри пахло холодом, пылью и старым железом.

Ардан шагнул вперёд.

— Я первый.

— С вашей раной вы там застрянете.

— Это не обсуждается.

— Конечно. Ведь куда проще умереть в стене, чем признать, что женщина с обожжёнными руками может пройти быстрее.

Он посмотрел на меня.

Я смотрела в ответ.

Да, мне было страшно. Очень. Но снизу кричал ребёнок. А я слишком хорошо знала: иногда минута решает всё.

— Я меньше, — сказала я уже тише. — Пролезу первой. Вы за мной. Если там ловушка, вы хотя бы успеете не полезть следом.

— Благородно.

— Практично.

Он усмехнулся краем губ.

Почти незаметно.

— Ты слишком часто используешь мои слова против меня.

— Привыкайте.

Я втиснулась в проход раньше, чем он успел передумать.

Тьма сомкнулась сразу.

Камень царапал плечи. Платье цеплялось за выступы. Воздуха было мало, и от каждого движения ладони пронзало огнём. Где-то позади тяжело дышал Ардан. Он всё-таки полез следом, несмотря на рану, трость, гордость и, возможно, здравый смысл.

Проход шёл вниз.

Круто.

Слишком круто.

Я осторожно ставила ноги на узкие ступени, которых почти не видела. Под пальцами скользили влажные стены. В какой-то момент снизу снова донёлся звук.

Не крик.

Плач.

Тэо.

И голос мужчины:

— Держите крепче. Лорд занят. Сейчас или никогда.

Я застыла.

Ардан позади меня тоже.

— Орвальд, — прошептала я.

Ответом было тихое рычание.

Не человеческое.

В узком проходе оно прокатилось по камням так, что у меня волосы на затылке поднялись.

— Быстрее, — сказал Ардан.

Мы почти побежали, насколько это было возможно в каменной щели.

Проход вывел нас за гобеленом в длинном коридоре второго этажа. Я вывалилась первой, едва не упав на колени. Ардан вышел следом — бесшумно для такого крупного и раненого мужчины.

Коридор был пуст.

Но за поворотом слышались голоса.

— Он горит! — шипел кто-то. — Магистр, он опять горит!

— Молчать, идиот. Это не огонь, это пробуждение крови. Держите его руки.

Тэо плакал.

Тихо, захлёбываясь, уже почти без сил.

Я рванулась вперёд.

Ардан схватил меня за локоть и прижал к стене.

— Не лезь первой.

— Он ребёнок!

— А они ждут меня.

Я замерла.

Он был прав.

Впервые за всё время я увидела не только свою панику, но и картину целиком. Если это ловушка, то её ставили на Ардана. Заперли нас в башне. Вынудили его рваться силой. Спровоцировали приступ у ребёнка. А потом, возможно, хотели показать всем обезумевшего лорда, который не контролирует дракона.

Или мёртвого.

— Тогда что? — прошептала я.

Ардан посмотрел на гобелен напротив. На нём был вышит чёрный дракон над заснеженными башнями.

— Ты умеешь делать то, что делала с Тэо?

— Что именно?

— Говорить так, чтобы ребёнок слышал не страх, а тебя.

Я сглотнула.

— Попробую.

— Когда я войду, они отвлекутся. Ты — к Тэо. Не к Орвальду. Не к стражникам. К ребёнку.

— А вы?

В его глазах снова вспыхнуло золото.

— А я поговорю со своим лекарем.

Он вышел из-за угла спокойно.

Не ворвался. Не бросился. Просто появился в коридоре — высокий, тёмный, с лицом, от которого у двоих стражников разом исчезла вся решимость.

Я выглянула следом.

Орвальд стоял возле окна. Рядом двое мужчин держали Тэо. Малыш был в одной ночной рубашке, босой, с мокрым от слёз лицом. Его маленькие пальцы светились оранжевым. На запястьях уже проступали красные следы от чужих рук.

Илана стояла чуть поодаль.

Бледная.

Но не испуганная.

Скорее злая, что всё пошло не по плану.

— Милорд, — Орвальд поклонился. — Вы должны были оставаться наверху. Для вашей же безопасности.

— Кто запер дверь?

Голос Ардана был тихим.

Очень тихим.

Один из стражников отступил на шаг.

Орвальд развёл руками.

— Вероятно, старый механизм. Башня давно...

Ардан ударил тростью по полу.

Камень треснул.

— Кто?

Орвальд замолчал.

И вот тогда я побежала.

Илана увидела меня первой.

— Держите её!

Один из мужчин дёрнулся навстречу, но Ардан даже не повернул головы. Просто поднял руку, и из воздуха ударила волна жара. Стражника отшвырнуло к стене.

Я упала на колени перед Тэо.

— Отпустите его!

Мужчины не слушали.

Тэо всхлипнул и попытался вырваться.

— Тэо, смотри на меня, — сказала я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Смотри только на меня.

Он поднял заплаканные глаза.

— Бо-ольно...

У меня сжалось сердце.

— Знаю. Сейчас станет легче. Но ты должен забрать огонь назад. Не потому что они требуют. А потому что он твой. Слышишь? Твой.

Орвальд резко повернулся.

— Не слушайте её! У ребёнка выброс. Ему нужен подавляющий настой.

— От которого он задыхался? — спросила я.

Ардан медленно посмотрел на лекаря.

Орвальд побледнел.

На одно короткое мгновение.

Но мне хватило.

— Это вы, — сказала я.

Илана резко шагнула ко мне.

— Безумная ложь!

— Он боится вас, — я смотрела на Орвальда. — Все дети боятся вас. Лира прячется. Риан хватается за нож. Тэо загорается, когда вы приближаетесь. Дети не умеют так хорошо притворяться.

— А взрослые умеют, — парировал Орвальд. — Особенно женщины, которые хотят избежать суда.

Ардан сделал шаг к нему.

— Что было в кубке?

— Успокоительное.

— Состав.

— Милорд, я не обязан отчитываться перед обвиняемой.

— Передо мной обязан.

Орвальд сжал губы.

И в этот момент Тэо закричал снова.

Огонь рванул по его рукам. Один из державших его мужчин вскрикнул и отпустил. Второй выругался, но сжал сильнее.

Я не думала.

Просто ударила его плечом.

Слабо, наверное. Жалко. Но неожиданно. Он отшатнулся, и Тэо выскользнул из его рук прямо ко мне.

Я прижала его к себе.

Огонь обжёг грудь, плечи, шею. На миг стало нечем дышать. Боль взорвалась белым светом.

Но я держала.

— Тихо, малыш. Всё. Они больше не держат. Ты со мной. Дыши.

— Ма... — он захлебнулся слезами. — Ма...

Я застыла.

Даже огонь будто замер вместе со мной.

Тэо вцепился в моё платье обжигающими пальцами и выдохнул:

— Мама...

Коридор умер.

Я подняла глаза и увидела Риана.

Он стоял в конце коридора. Босой, с тем самым чёрным ключом в руке. Рядом с ним — Лира, бледная, как снег за окном.

Риан смотрел на меня так, будто его мир раскололся.

Он всё ещё не верил.

Но уже хотел.
И это было страшнее ненависти.
Илана пришла в себя первой.
— Ребёнок в бреду. Он напуган. Эвелина всегда умела...
— Хватит.
Это сказал Ардан.
Не громко.
Но стены ответили ему гулом.
Он стоял посреди коридора, и теперь я впервые увидела за его спиной настоящую тень дракона. Огромную. Чёрную. Расправившую крылья от стены до стены.
Орвальд отступил.
— Милорд...
— Взять магистра под стражу.
— Что?!
Илана побелела.
— Ардан, ты не можешь! Орвальд служил твоему отцу!
— А теперь ответит сыну.
Двое стражников не двигались.
Ардан повернул голову.
— Я повторю приказ только один раз. Потом решу, что вы служите не мне.
Они бросились к Орвальду.
Но магистр оказался быстрее, чем выглядел.
Он выхватил из рукава маленький флакон и швырнул его на пол.
Стекло разбилось.
Коридор мгновенно заполнил густой серый дым.
Тэо закашлялся.
Я прижала его лицо к своему плечу и закрыла собой. В дыму кто-то закричал. Раздался удар, потом лязг металла.
— Риан! Лира! — крикнула я.
Ответа не было.
Сердце провалилось.
Я попыталась подняться, но ноги не держали. Руки горели. Грудь жгло от ожогов и дыма.
Сквозь серую пелену проступила фигура Ардана.
Он шёл ко мне, пошатываясь, но всё ещё страшный.
— Дай ребёнка.
— Нет.
— Марина.
Я замерла.
Он назвал меня Мариной.
Не Эвелиной.
Мариной.
Так тихо, что это мог услышать только я.
— Дай мне Тэо. Я вынесу вас.
Я передала ему малыша.
Ардан поднял сына одной рукой, второй схватил меня за талию и рывком поставил на ноги. Я едва не вскрикнула, но удержалась.
Дым начал рассеиваться.
На полу лежали двое стражников. Орвальда не было.
Иланы тоже.

А в конце коридора, там, где стояли дети, на камне валялся чёрный ключ.
Риан и Лира исчезли.
Я посмотрела на Ардана.
Он смотрел туда же.
На его лице не осталось ничего человеческого.
Только дракон.
И страх отца.
А потом из глубины замка донёсся голос Леры.
Тихий.
Далёкий.
Будто из-под земли.
— Мама...
Каменные стены вокруг нас ответили протяжным стоном.
Кархольм проснулся.

Глава 5. Подземное сердце Кархольма

— Лира!

Моё горло сорвалось на крик.

Ответа не было.

Только камни вокруг дрогнули, будто замок глубоко вдохнул. Где-то в стенах заскрежета́ло. С потолка посыпалась пыль. Синий огонь в факелах погас разом, и коридор на несколько ударов сердца утонул в темноте.

Потом пламя вспыхнуло снова.

Но теперь оно было другим.

Не ровным, не холодным, не покорным. Оно металось, как живое. Оно указывало вниз.

Все языки огня тянулись в одну сторону — к дальней лестнице, ведущей в нижние этажи.

Ардан стоял неподвижно.

На руках у него был Тэо. Малыш обмяк после приступа, уткнувшись лицом в плечо отца. Его дыхание было слабым, но ровным. Я видела, как Ардан держит его — крепко, почти отчаянно, будто боится, что если ослабит пальцы, потеряет и третьего ребёнка.

— Риан! — позвал он.

Голос прокатился по коридору так, что задрожали стёкла в узких окнах.

Ответа не последовало.

Только где-то внизу — очень далеко — снова раздался тихий детский всхлип.

Лира.

Я сделала шаг к лестнице, но Ардан резко поймал меня за запястье.

Я вскрикнула от боли: он задел ожоги.

Он тут же отпустил.

— Ты не пойдёшь.

Я посмотрела на него.

Наверное, в моём взгляде было что-то такое, что заставило даже драконьего лорда замолчать.

— Они позвали меня, — сказала я. — Вы сами слышали.

— Это ловушка.

— Да.

— Значит, ты останешься здесь.

— Нет.

Он наклонился ко мне, и в его глазах вспыхнуло звериное золото.

— Я не спрашиваю.

— А я не ваша послушная жена.

Эти слова вырвались сами.

На миг между нами повисла тишина. Странная. Острая. Почти опасная.

Потом Ардан глухо произнёс:

— Это я уже понял.

В другое время я бы, наверное, оценила, что он не назвал меня Эвелиной. Сейчас было не до этого.

— Послушайте, — я заставила себя говорить тише, хотя внутри всё рвалось к детям. — Орвальд и Илана не просто сбежали. Они забрали именно Риана и Лиру. Не Тэо. Почему?

Ардан медленно повернул голову к лестнице.

— Риан — наследник.

— А Лира видит то, что скрыто. Она сказала, что во мне другая. Она дала ключ. Она слышит замок. Значит, им нужны оба.

Тэо тихо застонал у него на руках.

Ардан на секунду закрыл глаза.

Когда открыл — в них уже не было сомнения.

— Сможешь идти?

Я посмотрела на свои руки. Повязки местами потемнели от крови и мази. Плечо ныло после удара, грудь жгло от ожогов, ноги дрожали.

— Смогу.

— Это не ответ.

— Другого у меня нет.

Ардан подозвал жестом одного из стражников, который, кашляя, поднимался с пола.

— Отнеси Тэо в мои покои. Никого не подпускать, кроме меня. Если появится Орвальд — убить.

Стражник побледнел.

— Милорд...

— Это был не совет.

Он осторожно передал сына.

Тэо, уже почти спящий, вдруг вслепую вцепился в край моего платья.

— Ма...

Я застыла.

Стражник тоже.

Ардан посмотрел на маленькие пальцы, сжавшие ткань, и его лицо стало таким, будто его ударили.

Я наклонилась к Тэо.

— Я вернусь, малыш, — прошептала я. — Слышишь? Я найду Риана и Лиру. И вернусь.

Не знаю, понял ли он.

Но пальцы разжались.

Стражник унёс его.

Мы остались вдвоём в коридоре, полном дыма, пепла и чужого предательства.

— За мной, — сказал Ардан.

И пошёл к лестнице.

Я поспешила следом.

Каждый шаг вниз отдавался болью. Каменные ступени были узкими, скользкими. Воздух становился холоднее. Факелы на стенах вспыхивали перед нами сами, но светили тревожно, неровно.

— Куда ведёт эта лестница? — спросила я.

— В старую часть замка.

— Вы знаете её?

— Частично.

— Частично?

Ардан не обернулся.

— Кархольм старше моего рода. Старше империи. В нём есть ходы, которые открываются только крови Вейров.

— Или чужой душе с обожжёнными руками.

Он всё-таки обернулся.

— Не шути.

— Я не шучу. Иначе начну кричать.

Он задержал на мне взгляд чуть дольше, чем нужно, потом отвернулся.

Но пошёл медленнее.

Я заметила это.

Не сказала ничего.

Лестница закончилась тяжёлой аркой. За ней начинался коридор, которого, казалось, не касалось время. Стены здесь были не сложены из камней, а вырублены прямо в чёрной скале. По ним тянулись тонкие серебряные жилы, похожие на застывшие молнии.

И эти жилы светились.

Едва-едва.

Как вены у живого существа.

— Сердце замка, — тихо сказал Ардан.

— Что?

— Так его называла моя мать. Подземное сердце Кархольма.

Мы пошли дальше.

И чем глубже входили, тем сильнее я чувствовала: нас ведут. Не факелы. Не Ардан. Сам замок направлял нас — скрипом камня, вспышками света, холодными порывами воздуха из боковых тоннелей.

Вдруг впереди мелькнула тень.

Ардан мгновенно выставил руку, закрывая меня собой.

Я даже возмутиться не успела.

Из темноты вышла женщина.

Сгорбленная, седая, в старом платье служанки. В руках она держала подсвечник, но свечи на нём не горели.

— Милорд, — прошептала она.

Ардан опустил трость.

— Мира?

Женщина дрожала.

— Они пошли к нижнему залу. Магистр и леди Илана. С ними дети. Наследник сопротивлялся, его ударили.

У меня внутри всё похолодело.

— Он жив? — спросила я.

Старуха посмотрела на меня — и в её глазах не было ненависти.

Только страх.

— Жив, госпожа. Пока жив.

— Почему вы помогаете? — спросил Ардан.

Мира сглотнула.

— Потому что маленькая леди Лира оставила мне приказ. Ещё утром. Сказала: если огонь станет белым, вести госпожу вниз.

Ардан медленно повернулся ко мне.

Я не знала, что сказать.

Лира знала?

Видела?

И всё равно не смогла остановить?

— Что в нижнем зале? — спросила я.

Мира побледнела ещё сильнее.

— Старый источник. Его закрыли после смерти вашей матери, милорд. Туда нельзя.

— Почему?

Женщина посмотрела на Ардана так, будто удивилась самому вопросу.

— Потому что дом берёт плату с тех, кто просит силу без права.

В коридоре стало холодно.

Ардан кивнул.

— Уходи. Спрячься.

— Милорд, — Мира вдруг опустилась на колени. — Простите нас. Мы видели. Мы все видели, что происходит с детьми. Но боялись. Леди Илана говорила, что всё по вашему приказу. Магистр говорил, что дети больны. А госпожа Эвелина...

Она запнулась и посмотрела на меня.

— Госпожа Эвелина часто ничего не помнила после зелий.

Меня словно окатили ледяной водой.

— Что?

Мира затряслась сильнее.

— Её поили, госпожа. Чтобы она спала. Чтобы кричала. Чтобы подписывала. Я однажды видела, как магистр держал её за подбородок и заставлял пить. Она плакала. Но потом... потом становилась злой. Будто не собой.

Я не могла вдохнуть.

Эвелина.

Та самая женщина, которую я уже почти ненавидела за детские слёзы.

Она была виновата. Да. В трусости. В слабости. Возможно, в равнодушии.

Но, может быть, не во всём.

Ардан стоял рядом очень тихо.

Слишком тихо.

Когда он заговорил, голос его был почти мёртвым:

— Почему ты не сказала раньше?

Мира заплакала.

— Кто бы поверил служанке против магистра и леди Иланы? А потом пришли письма, что вы погибли. Мы думали... всё кончено.

Нет.

Ничего не кончилось.

Всё только начиналось.

Из глубины тоннеля донёсся крик.

На этот раз мальчишеский.

— Не трогай её!

Риан.

Я сорвалась с места.

— Марина!

Ардан догнал меня через три шага, схватил за плечи и резко развернул к себе.

— Слушай меня. Там может быть ритуал. Круги. Клятвы. Кровь. Ничего не трогай без моего приказа.

— Это ваши дети кричат!

— Именно поэтому ты должна думать!

— Я думаю!

— Нет. Ты чувствуешь.

Он сказал это так жёстко, что я замолчала.

А потом он вдруг добавил тише:

— И сейчас это может убить нас всех.

Я смотрела на него, тяжело дыша.

Он был прав.

Снова.

Как же меня это бесило.

— Хорошо, — сказала я. — Что делать?

Ардан отпустил меня.

— Если я скажу бежать — бежишь. Если скажу закрыть глаза — закрываешь. Если скажу не слушать — не слушаешь, что бы они ни говорили.

— Почему?

Его лицо стало каменным.

— Потому что источник показывает то, чем можно сломать.

Мы двинулись дальше.

Теперь осторожнее.

Коридор вывел нас к огромной двери. Она была приоткрыта. Из щели лился белый свет. Не солнечный, не огненный — холодный, как лунный лёд.

За дверью слышались голоса.

— Кровь наследника откроет печать, — говорил Орвальд. — Девочка укажет истинный сосуд.

— Быстрее, — ответила Илана. — Ардан скоро вырвется.

— Он уже ранен. Если источник ударит через детей, его дракон окончательно сторит.

Я посмотрела на Ардана.

На его лице не дрогнул ни один мускул.

Но серебряная трость в его руке треснула.

Внутри зала Риан резко сказал:

— Отец убьёт вас.

Илана рассмеялась.

— Твой отец слишком долго был оружием, мальчик. Оружие легко сломать. Особенно если ударить по руке, которая его держит.

— Он не сломается.

— Все ломаются.

Я больше не могла ждать.

Проскользнула ближе к щели и заглянула внутрь.

Зал был круглым. Огромным. В центре — каменная чаша, полная белого огня. Вокруг неё на полу сияли знаки. Риан стоял у края круга, связанный серебристыми нитями. На виске у него темнела кровь.

Лира была рядом с чашей.

Босая. В белой рубашке. Маленькая, испуганная, но почему-то очень прямая.

Орвальд держал её за плечо.

Илана стояла напротив, прекрасная и страшная в этом белом свете.

— Скажи, где сосуд, — приказала она Лире.

Девочка молчала.

Орвальд наклонился к ней.

— Маленькая леди, если не скажешь, больно будет брату.

Риан дёрнулся.

— Не смей!

Илана подняла руку.

Серебряные нити вспыхнули, и мальчик вскрикнул.

Я рванулась вперёд, но Ардан удержал меня.

Его пальцы впились мне в плечо.

— Ещё нет, — прошептал он.

Я ненавидела это “ещё”.

Каждую его секунду.

Лира подняла голову.

Медленно.

И вдруг посмотрела прямо туда, где мы прятались.

На меня.

Она знала, что я здесь.

Губы девочки шевельнулись.

Я не услышала звука, но поняла:

“Иди”.

Камень под моими ногами потеплел.

Сердце замка ударило.

Раз.

Другой.

Третий.

И вдруг белый огонь в чаше повернулся ко мне.

Да, именно повернулся. Как живое существо.

Орвальд резко обернулся.

— Она здесь.

Илана улыбнулась.

— Наконец-то.

Ардан вышел первым.

Тень его дракона ударила в зал, расправляясь по стенам.

— Отойди от моих детей.

Орвальд побледнел, но не отпустил Лиру.

Илана же смотрела не на него.

На меня.

— Здравствуй, чужая душа, — сказала она ласково. — Мы так ждали, когда замок приведёт тебя к источнику.

Я сделала шаг вперёд.

Белый огонь в чаше взметнулся выше.

И вдруг на моей перевязанной ладони проступил знак.

Чёрное крыло, обвитое пламенем.

Ардан увидел его.

И впервые за всё время по-настоящему испугался.

— Марина, — сказал он тихо. — Не двигайся.

Но было поздно.

Каменный пол подо мной раскрылся светом.

А голос Кархольма прозвучал у меня в голове:

“Выбери, хранительница. Себя — или детей.”

Глава 6. Выбор хранительницы

“Выбери, хранительница. Себя — или детей.”

Голос прозвучал не в ушах.

Внутри.

Он прошёл по костям, по крови, по самому сердцу, будто кто-то огромный и древний наклонился ко мне из глубины камня и задал вопрос, на который нельзя солгать.

Я стояла посреди белого света.

Пол под ногами исчез. Нет, не провалился — стал прозрачным. Под ним двигалось что-то живое: тёмное пламя, серебряные жилы, древние корни, уходящие так глубоко, что у меня закружилась голова.

Риан был связан у края круга.

Лира стояла возле чаши, бледная, с огромными глазами.

Ардан замер у входа в зал, и впервые я увидела на его лице не ярость, не подозрение, не холод.

Страх.

За меня.

Или за то, что могло случиться, если я ошибусь.

— Марина, — сказал он. — Не отвечай.

Илана рассмеялась.

— Поздно, братец. Источник уже заговорил с ней.

Братец?

Я резко посмотрела на неё.

Ардан даже не обернулся.

— Она мне не сестра.

— Как грубо, — Илана приложила руку к груди. — После всего, что я сделала для твоего дома.

— Для моего дома? — его голос стал ниже. — Ты держишь моих детей в ритуальном круге.

— Я спасаю род Вейров от гибели.

— Ложь, — прошептала Лира.

Все посмотрели на неё.

Девочка дрожала, но не опустила глаз. Орвальд сильнее сжал её плечо, и я увидела, как Лира побледнела от боли.

Что-то внутри меня щёлкнуло.

Тонко.

Опасно.

— Уберите от неё руки, — сказала я.

Орвальд скривил губы.

— Вы всё ещё не понимаете, госпожа. Здесь вы ничего не приказываете.

— Она приказывает, — вдруг сказал Риан.

Голос у него был слабый, но упрямый. По виску стекала кровь. Серебряные нити обви-вали его запястья и грудь, впиваясь в кожу каждый раз, когда он пытался пошевелиться.

— Замок выбрал её.

Илана резко повернулась к мальчику.

— Замок ошибся.

— Кархольм не ошибается, — сказал Ардан.

Его слова были тихими.

Но зал ответил им гулом.

Белый огонь в чаше взметнулся выше. На стенах вспыхнули древние знаки. Некоторые были похожи на крылья, другие — на когти, третьи — на раскрытые детские ладони.

Я вдруг поняла: этот зал помнил всё.

Все клятвы. Все смерти. Все просьбы о защите.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.